

Наталья Ольшанская

Вирджиния Вулф : критик русской литературы

Studia Rossica Posnaniensia 25, 67-73

1993

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ – КРИТИК РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

VIRGINIA WOOLF AS A CRITIC OF RUSSIAN LITERATURE

НАТАЛЬЯ ОЛЬШАНСКАЯ

ABSTRACT. The article deals with some essays of Virginia Woolf as well as her diaries and letters which are devoted to certain aspects of Russian literature, including her critical approach towards the work of L. Tolstoy, A. Chekhov, F. Dostoevsky, I. Bunin and M. Gorky.

Наталья Ольшанская, Одесский государственный университет, ул. Петра Великого 2, Одесса, Украина.

В истории европейской русистики нового и новейшего времени специальный интерес представляют серьезные суждения и критические статьи о русских классиках, принадлежащие видным писателям Запада. Они интересны не только своей пронизательностью и неслучайностью; в них зачастую просматриваются те существенно важные моменты межнационального литературного взаимодействия, без которых совершенно невозможно представить историко-культурный процесс.

Вошедшая в литературу как один из ведущих мастеров раннемодернистского романа, Вирджиния Вулф оставила весьма солидное литературно-критическое наследие. Это прежде всего ряд очерков, составивших двухтомник – своего рода хрестоматию – *The Common Reader*, а также много газетных и журнальных статей и рецензий, в названную книгу не вошедших. Интересы Вулф-критика были весьма широки и разнообразны: в их створ попало много имен, названий и проблем русской литературы XIX – начала XX вв.

Нельзя сказать, что интерес романистики из группы „Блумсберри” к российской словесности абсолютно проигнорирован исследователями ее творчества. Об этих ее интересах упоминают (именно упоминают, не более того) авторы многих книг об авторе *Миссис Дэллоуэй*; часто вспоминает об этом Марк Голдман – автор единственной на Западе книги о Вулф-критике¹. Наконец, можно указать на диссертацию Н.И. Бушмановой (1989 г.)², где обозначенный круг вопросов рассмотрен несколько подробнее.

¹ M. Goldman, *The Reader's Art: Virginia Woolf as Literary*, The Hague-Paris 1976.

² Н.И. Бушманова, *Литературная эссеистика Вирджинии Вулф*, автореф. дис. канд. наук, Москва 1989.

При всем этом перечисленные исследователи обращаются, как правило, к эссе писательницы *Современная литература, Русская точка зрения* и *Романы Тургенева*, а также к отдельным пассажам из других статей (например *Заметки о Елизаветинской пьесе*). Изредка вспоминаются ее ранние статьи в периодике и издательская практика фирмы „Хогарт пресс“, возглавляемой супругами Леонардом и Вирджинией Вулф. Думается, что круг источников сведений по заявленной проблеме должен быть значительно расширен и не только за счет ранних рецензий. В этот круг должны быть включены воспоминания современников о Вулф³, ее переписка⁴ и, наконец, чрезвычайно информативный дневник писательницы, пятитомное издание которого (если не вполне научное, то приближающееся к научному) было закончено лишь к середине 1980-х годов⁵.

Особый интерес английской романистики к русским прозаикам в какой-то мере объясняется общим повышением внимания к России и русским романистам в Англии на пороге XX столетия. К тому же у Вулф были среди англоязычных литераторов предшественники в этом отношении: достаточно вспомнить, с каким вниманием воспринимали художественные открытия Тургенева, Достоевского, Л. Толстого Стивенсон и Генри Джеймс, Оскар Уайльд, Джон Голсуорси и Джозеф Конрад. Но даже на фоне этих знакоков и тонких ценителей русской прозы Вирджиния Вулф выделяется и знанием предмета, и собственным подходом к нему.

В эссе *Русская точка зрения* встречаем мысль о необходимости придти к пониманию писателя (в данном случае – русского писателя) через его индивидуально-художественный стиль. Казалось бы, в этой декларации нет ничего оригинального. Аналогичные суждения найдем мы и у великих предшественников английской писательницы – допустим, у Флобера или Генри Джеймса. Но вчитавшись в первые абзацы статьи Вулф, мы понимаем, что она всерьез озабочена тем, что различие языков не позволяет английскому читателю оценить по достоинству русскую прозу. Таковы затруднения писательница (как читатель) в молодости ощутила на себе самой и через интерес к русским писателям уже в зрелые годы пришла к необходимости изучать их язык.

„... Я только что закончила свой урок русского языка и могу прочесть одну страницу Аксакова за сорок пять минут”⁶, – пишет она 28 марта 1921 г. Сексону Сидни-Тёрнеру, радуясь своим скромным успехам и не

³ *Recollections of Virginia Woolf*, ed. by Joan Russel Noble, New York 1972.

⁴ *The Letters of Virginia Woolf*, т. II, III, London 1980-1981.

⁵ V. Woolf, *The Diary*, т. 1-5, New York-London 1977-1984.

⁶ *The Letters of Virginia Woolf*, т. II, с. 463.

приукрашивая их. В переписке и дневниках находим несколько других упоминаний о том, что в начале 1920-х годов Вирджиния Вулф и ее муж Леонард основательно занимались изучением русского языка⁷. Знание языка (пусть и далекое от совершенного) позволило писательнице в некоторых отношениях пойти дальше своих предшественников и современников в постижении специфики русской художественной прозы. Что же касается специального интереса к этой прозе, то он проявился несколько раньше.

В номере „Литературного приложения” к „Таймсу („Times Literary Supplement”)” за 8 ноября 1917 г. была помещена рецензия В. Вулф на *Воспоминания*⁸ – третью часть автобиографической хроники С.Т. Аксакова, изданную по-английски под названием *A Russian Schoolboy*. В ее дневнике есть запись от 4 ноября о том, что эта рецензия ею написана. В том же издании за 16 мая 1918 г. появилась рецензия В. Вулф на два сборника рассказов А.П. Чехова (*Жена и другие рассказы, Ведьма и другие рассказы*), вышедшие в переводе Констанс Гарнет. Благодаря той же переводчице, познакомилась Вулф с романами Достоевского и Тургенева.

Следующим шагом на пути углубления интереса к русской литературе стали издательские интересы супругов Вулф. В их издательстве „Хогарт пресс” выходили многие книги русских писателей. Главным экспертом по русскому языку и постоянно действовавшим переводчиком в „Хогарт пресс” был С.С. Котелянский. Однако первые же работы Котелянского показались издателям уязвимыми с точки зрения английского языка и языковой выразительности. Таков был первый практический стимул для Леонарда и Вирджинии Вулф заняться русским языком. И вскоре оба они пробуют свои силы в переводе с русского, главным образом соавторствуя на этом поприще с Котелянским.

К примеру, в письме к Томасу Стернзу Элиоту от 14 апреля 1922 г. В. Вулф пишет, что Леонард не может пока прислать Элиоту для журнала „Criterion” переводы интересных писем Чехова, но пришлет их в августе⁹. В. Вулф помогала Котелянскому в переводе книг: *Любовные письма Льва Толстого, Вблизи Толстого* А. Гольденвейзера, не вошедшей в окончательный текст *Бесов* Достоевского главы „У Тихона” (в английском издании она называется „Исповедь Ставрогина”) и ряда других книг. Леонард Вулф помогал Котелянскому в переводе автобиографической книги С.А. Толстой, *Записных книжек* Чехова и воспоминаний Горького о Чехове, *Господина из Сан-Франциско* и других рассказов Бунина.

⁷ См. там же, с. 432, 516, 573 и др.

⁸ V. Woolf, *The Diary*, т. I, с. 71.

⁹ *The Letters of Virginia Woolf*, т. II, с. 521.

Без учета этих фактов можно пройти мимо отдельных замечаний Вулф-критика и счесть их сугубо случайными. Между тем они фундировались на основательном знании и главное – на проникновении в материал.

Одно из главных наблюдений Вирджинии Вулф над спецификой русской литературы состоит в том, что, по ее мнению, в творениях российских писателей (в диапазоне от Тургенева до Чехова) существует иная, нежели в западноевропейской литературе, какая-то особая школа ценностей. Не изысканность художественной формы, а крайняя степень искренности; не четкое разделение на легко различимые добро и зло, а жизненно верное, органическое слияние того и другого; не жесткие регламентации, накладываемые знанием литературной техники, а полнейшая раскованность и свобода в обращении с жизненным материалом.

Словом, то, что многим современникам английской писательницы, начиная с Литтона Стрейчи и некоторых других соратников по группе „Блумсберри“, представлялось слабостью повествователя, Вирджинии Вулф видится закономерной особенностью, приводящей к художественным открытиям. С этой особенностью связывает она и плодотворность русского влияния на литературы западного мира.

Нужно сказать, что мысль о продуктивности русского влияния, кажущаяся нам вполне естественной и едва ли не тривиальной, отнюдь не была тогда общепринятой в западной критике. Даже в середине 1970-х гг. Марк Голдман в упомянутой книге *Вирджиния Вулф как литературный критик* подвергает этот тезис писательницы сомнению: „... она защищает незавершенный метод Чехова, противопоставляя его школе Мопассана...”¹⁰ М. Голдман склонен видеть здесь заблуждение писателя-критика, а между тем такое противопоставление полностью вписывается в выношенную Вирджинией Вулф концепцию русской литературы, где крайняя степень искренности важнее формальной завершенности.

Кстати, такие категории, как целостность или завершенность, трактует она значительно шире иных своих современников и позднейших критиков. Учитывая происшедший в новейшей литературе сдвиг писательского внимания с внешне обозначенных событий на глубины индивидуальной психологии, эссеистка интересно рассуждает о смещении акцентов и о новом качестве художественной формы. Именно об этом пишет она в знаменитом эссе *Современная литература* („Modern Fiction”). Там, где речь заходит об этих „новых акцентах”, автор эссе обращается за иллюстрацией к рассказу Чехова *Гусев*, показывая, что „акценты расставлены в таких неожиданных местах, что поначалу

¹⁰ М. Goldman, ук. соч., с. 97.

кажется, будто там вообще нет акцентов” и то, что казалось „расплывчатым и незавершенным”, приобретает – по мысли и чувству весьма четкие очертания¹¹.

„...Главное действующее лицо в русской литературе – это душа...”¹². Такое суждение, содержащееся в очерке *Русская точка зрения*, получает подкрепление и в других критических сочинениях писательницы. Важнейшим качеством русской литературы является, на ее взгляд, глубочайшее понимание человеческого ума и сердца, сочувствие к чужим страданиям. На фоне лучших книг русских писателей XIX века, многие западные романы могут показаться, считает она, „мишурой и надувательством”.

Известно, что супруги Вулф с большой долей скептицизма отнеслись к роману Джеймса Джойса *Улисс*. Разумеется, многого они в этом выдающемся творении новатора не оценили. Но любопытно то, что особенно было неприемлемо для Вирджинии Вулф, когда *Улисса* сравнивали с *Войной и миром*¹³. В данном случае интересно не столько ее заблуждение по поводу „искусственности” *Улисса*, сколько место, отводимое *Войне и миру* – „величайшему роману в мире”¹⁴. К тому же „во всех великих русских писателях” автор эссе *Современная литература* обнаруживал „черты святости” (как бы переключаясь с замечанием своего немецкого современника Томаса Манна о „святой русской литературе”); и всякое желание приобщать новейшие явления искусства к тому каноническому ряду выглядело в ее глазах чем-то вроде кощунства.

Канонизация крупнейших свершений и имен не приводит к снижению критического чутья В. Вулф. Она не только пишет о русском влиянии, но также прекрасно понимает, например, что дала Тургеневу Франция; своеобразие русской литературы не перечеркивает вопроса о близости разных литератур. В статье *Романы Тургенева* она указывает и на излишнюю сентиментальность как слабость ряда книг великого романиста. Но эти моменты не меняют общей тональности ее рассуждений о российской словесности.

При этом никак нельзя сказать, что все русские писатели, попавшие в поле ее зрения (от С.Т. Аксакова до Горького и Бунина), выглядят в эссеистике и дневниках Вулф „на одно лицо”. В дневниках мы встречаем не только рассуждения об отличиях Чехова прозаика от Генри Джеймса или Чехова-драматурга от Бернарда Шоу, здесь нередки и замечания об отличиях Достоевского от Тургенева, Толстого от

¹¹ V. Woolf, *The Common Reader*, First Series, London 1984, с. 152-153.

¹² Там же, с. 178.

¹³ V. Woolf, *The Diary*, т. II, с. 199 - 200.

¹⁴ Там же, т. III, с. 67.

Достоевского. Кстати говоря, и замысел статьи о Тургеневе в какой-то мере связан с раздумьями об этом романисте в сопоставлении с Достоевским. В 1927 году Вулф рецензировала книгу Аврама Ярмолинского *Тургенев: человек, его искусство и его время* – давшей толчок не столько к полемике, сколько к написанию собственной статьи. В 1933 году, работая над своей статьей, она перечитывает Тургенева и пишет в дневнике о многозначительной ясности Тургенева, которого искусство литературы и литературная техника интересовали намного больше, чем Достоевского¹⁵. Правда, в статью сопоставительные оценки не вошли; однако для нас они, оставшиеся в дневнике, представляют не меньший интерес.

При всей лаконичности эссе писательницы и ее дневниковых заметок, бросается в глаза основательная начитанность и знание русской литературы. В диапазоне литературно-критических и читательских интересов английской романистки *Война и мир*, *Анна Каренина*, *Крейцерова соната* и ряд других рассказов Л.Н. Толстого, *Униженные и оскорбленные*, *Идиот*, *Преступление и наказание*, *Бесы*, *Братья Карамазовы* и ряд повестей и рассказов Ф.М. Достоевского, шесть романов И.С. Тургенева (включая и *Дым*, встретивший прохладный прием в русской критике, но в англоязычном мире нашедший столь тонких ценителей, как Генри Джеймс и Вирджиния Вулф), множество рассказов и четыре пьесы А.П. Чехова, проза М. Горького и И.А. Бунина и т.д.

Притом русские классики оставались духовными спутниками писательницы конца ее жизненного пути. Так, в последние годы жизни она в мыслях (и это отразилось в дневнике) часто обращается за поддержкой к Толстому. В марте 1941 г. (примерно за год до ее ухода из жизни) она перечитывает Толстого и записывает в дневнике, что Толстой был „против фотографического реализма”, видя в этом сильное качество его прозы¹⁶. Чеховские пьесы волновали ее и на склоне жизни. К тому же она интересовалась ими как произведениями для театра и видела их на сцене. Так, увидев *Вишневый сад* на сцене лондонского Art Theatre, она написала рецензию на спектакль для „New Statesman”; заметим, что это не столько рецензия, сколько тонкая литературно-критическая интерпретация чеховской пьесы. В конце 1930-х гг. она смотрела *Дядю Ваню* в Westminster Theatre, *Три сестры* в Queen’s Theatre (с Джоном Гилгудом и Пегги Эшкрофт в главных ролях) и другие спектакли.

Рамки статьи не позволяют развернуть весь фактологический спектр высказываний и раздумий Вирджинии Вулф о русской литературе.

¹⁵ Там же, т. IV, с. 172-173.

¹⁶ Там же, т. V, с. 272.

Замечу лишь, что самые общие положения, высказанные ею в статьях *Современная литература* и *Русская точка зрения*, конкретизируются в отдельных замечаниях, рассыпанных в разных статьях, главах дневника, письмах. Между этими множественными суждениями и общепринципиальными положениями, приведенными выше, нет существенных расхождений.

И еще один момент. Критические рассуждения Вулф о русской литературе дополняют наше представление о ней как значительном литературном критике (вспомним, что первые критические рецензии Вулф появились в печати раньше ее художественных произведений). В некотором отношении это типично писательская критика с метафоричностью стиля¹⁷, ассоциативностью изложения и подчеркнутым уходом от обстоятельности. Между тем трудно характеризовать все критические эссе Вулф как сугубо импрессионистические. Да, иные метафоры Вулф-критика импрессионистичны по своей конструкции, а точнее – по видимости конструкции. Но рассуждения критика отмечены воздействием других тенденций.

Одна из них – это тенденция социокультурной критики, крупнейшим мастером которой в поздневикторианской Англии был отец писательницы сэра Лесли Стивен. Разумеется, историзм Л. Стивена более эксплицирован в его объемных литературоведческих трудах; у Вирджинии Вулф-критика понимание исторической вписанности литературных явлений в эпоху прочитывается в лаконичных статьях (например, в рецензии на очерк Горького *Лев Толстой*) хотя бы в исторической соотнесенности изображаемых событий и точки зрения на них.

Вместе с тем, в своем интересе к стилю писателя и стремлении через понимание стиля приблизиться к пониманию литературы Вулф-критик близка к некоторым устремлениям позднего Генри Джеймса и англо-американских неокритиков. Две названные тенденции интересно переплетаются в ее критическом арсенале; возможно, именно это обстоятельство и обеспечило лучшим эссе Вулф завидное долголетие. Мы обращаемся к ним на исходе XX века не только для пополнения знаний о жизни знаменитой писательницы и не только с историографической целью, но и для приобщения к работе мысли оригинального аналитика и интерпретатора русской литературы.

¹⁷ Это качество очерков В. Вулф отметил выдающийся теоретик литературы Рене Уэллек (R. Wellek, *Concepts of Criticism*, New Haven–London 1978, с. 45).